

ЛЮДИ ИСКУССТВА

«Вас ожидает гражданка Никанорова», «Трясина», «Родня», «Здравствуй и прощай» — вот лишь несколько работ киносценариста Виктора Мережко. Сегодня привлекают внимание театральных режиссеров и его пьесы.

Жил-был в городе Ростове-на-Дону молодой инженер-полиграфист. Работал, говорят, хорошо. И потешал друзей разными затейливыми историями, будто бы приключившимися с ним самим или разыгравшимися на его глазах. Кто-то советовал ему бросить все и идти на сцену, кто-то — податься в писатели. Инженер записал несколько своих потешек и послал их во ВГИК, на сценарный факультет. Ему ответили, что он допускается к экзаменам.

Сегодня, неполных двадцать лет спустя, за спиной Виктора Мережко сорок четыре киносценария, считая только полнометражные. Рядом с типичными его героями утвердилось понятие «сюжета в духе Мережко», да настолько утвердилось, что, кажется, сам автор теперь принимает энергичные меры, чтобы обрести иные, неожиданные черты. Среди его фильмов есть и рекордсмены популярности («Вас ожидает гражданка Никанорова»), и те, что пробуждали живой общественный резонанс («Полеты во сне и наяву»), и те, вокруг которых вспыхивали споры и критики схватывались чуть не врукопашную («Родня»). Были, правда, и такие сценарии, что при чтении смешили и трогали, а в результате дали жизнь вполне заурядному, хилому экранному созданию, оставшемуся в лучшем случае вне внимания и зрителей, и прессы.

Вместо обычной завязки он начинает работу с рассказа. Рассказ короток, прозрачен, иногда намеренно не закончен, но в нем в сжатом виде существует весь будущий фильм — с основной ситуацией, с атмосферой, но главное, с героем, который редко бывает изобретенным, а чаще всего извлеченным из памяти, по подсказке творческого инстинкта. Никакого жреческого пиетета перед тайнами внутренней лаборатории у него нет. Напротив, он любит многократно пересказывать то, что обдумывается, и умеет так подать материал, что, слушая последовательно, от варианта к варианту, все равно не удерживаешься от смеха. Должно быть, это у него приращенное — умение перевоплощаться в любой персонаж, даже в неодушевленный предмет. Ему ровно ничего не стоит спародировать знакомого или того, кого впервые видел, представив его шаржированной мимикой, характерным выговором.

За накрытым столом или над листом бумаги он был и остается неутомимым сочинителем забавных историй, иногда странных, загадочных, не без сказочного элемента. И, может быть, потому так часто ломали себе шею на этом материале торопливые постановщики, что их обманывало видимое простодушие его кинобаек. Между тем важен был как раз сплав, плохо поддающийся расчлениению, сплав смеха и лирики, скромного, наивного сюжета с еще более наивной, почти сказочной атмосферой, чудаковатых характеров с особой подачей рассказанного, когда повествователь будто на каждом шагу подкакивает герою, сочувственно кивает головой им в лад, а на самом деле, чуть отвернувшись в сторону, прыскает, не в силах сдержаться от этого сборища карикатур.

Сергей Никоненко, постановщик «Трын-трава», отдался стихии пронзительной лирики — итогом стала полуудача. Режиссер Геннадий Полоа, рожденный для сатирических лент, к сожалению, редких в нашем кино, увидел фильм «Одиножды один» как хоровод гротесковых масок — и тоже не избежал потерь. «Отставной козы барабанщик» пострадал от безудержного шутовства-трюкачества. Недавняя картина «Если можешь, прости» в одних эпизодах предлагает эксцентрику до абсурда, в других — серьезность до сердечного надрыва...

Есть характеры противоречивые, с глубокой, с разным психологическим климатом на разных своих ярусах. Этой многоэтажности Мережко как драматург не верит. Драматизм его персонажей — открытый, броский. За ними интересно наблюдать не потому, что они мятушиеся, непредсказуемые. Напротив, в них с самого начала заявляется некая характерная доминанта, и она предсказывает будущую линию поведения, чаще всего странную, редкую.

Человек начинается для Мережко с того момента, когда он, человек, остался один. На миру, знамо дело, и смерть красна, а вот наедине с собой! Где тот стержень, которым держишься ты сам, без оглядки на других? Дол-

ЧУТЬ ГРУСТНЫЙ ВЗОР ВЕСЕЛЬЧАКА

гое время таким стержнем была для его героев безоглядная мечта о счастье. За эту мечту многое прощалося гражданке Никаноровой или тому же Коське, барабанщику отставной козы. Сегодня драматург строже, за мечтательностью самой интенсивной он ищет еще что-то, посерьезнее, поценнее, и огорчается, обнаружив этакое душевное нахлебничество — жизнь не своим умом, а как повелось, по моде, по общим предрассудкам. Подхватив этот посыл, Никита Михалков многих испугал «Родней» — зрелищем суетного, мельтешащего в пустоте, текучего, распадающегося бытия, когда так же быстро, как заморские яркие тряпки и цацки, люди торопятся поменять дорогие им принципы, словечки, жизненные положения...

Долго живший в деревне, отправляющийся туда каждый год, драматург в течение многих лет даже в горожане стремился рассмотреть бывшего деревенского человека. Героев, пожалуй, двух десятков его картин можно поселить рядом, на одной сельской окраине. И злключения, поджидающие их в маленьком районном городке или в большом городе, областном или столичном, тоже, в общем, на один манер. Это как бы современная «Тысяча и одна ночь» с находчивым варьированием излюбленных ситуаций.

Но есть за ситуациями нечто, что для Мережко первозданно: человеческая индивидуальность конкретного персонажа. Здесь повторы неуместны. Здесь примечательно все, от походки, рубахи, транзистора до любимой поговорки или привязчивой строки из популярной песенки. Недаром, видно, в его картинах так много истинных актерских удач: здесь блестяще дебютировала Людмила Зайцева («Здравствуй и прощай»), здесь по-новому раскрылись Наталья Гундарева и Нонна Мордюкова (до «Родни» вспомним «Трясину»), а строгий и серьезный Олег Янковский создал в фильме Р. Балаяна печальную, неприкаянную фигуру, мечущуюся в поисках душевного комфорта («Полеты во сне и наяву»).

Герои Мережко нашли бы, пожалуй, общий язык с «чудиками» Шукшина. Однако за-

дачи свои наш сценарист видит совсем в иной области. Он меньше философ и больше забавник, важнее морали ему путь к ней, быть развлекателем и даже в известном смысле утешителем он не стесняется никогда. Сказка сама по себе, я думаю, ему важнее содержащегося в ней намека.

Самые последние годы меняют его стиль — манера письма становится строже, взгляд жестче, требовательнее. Все чаще героями его оказываются коренные горожане, а ход сюжета — прихотливее, остранный. В новелле «Ифанти» молодой муж, покинув разгневанную жену, отправляется к приятелю, как бы на холостяцкую вечеринку, и встречает там ее же, свою Таню, только в невиданном платье и с неожиданной смелостью в разговоре. Для всех окружающих они должны изображать незнакомых... А дома откроется, что супруга, без всякого сомнения, никуда не выходила. Хорошо, пусть он был сбит с толку редкостным сходством, но тогда за кого принимала его собеседница? Какое-то сходство морочило и ее?

Никакой мистики. Странность события — как способ ассоциативного расширения авторской мысли.

«Я — женщина», еще не дойдя до экрана, обрела параллельную жизнь на сцене. «Бобры», а особенно «Ночные забавы» встречаешь в театральном репертуаре многих городов. В последней пьесе не все, на мой вкус, сошлось, сарказм иногда чрезмерен, прямлинейнее до плакатности. Но все же что-то уловлено в ней, угадано...

Это тоже черта его литературного хозяйства: здесь ничего не пропадает, все рано или поздно идет в дело. Лучшее, что я читал у Мережко, — сценарий «Хитрая машина, или Перлетум мобиля Степана Бобыля». Умное, дерзкое, пламенное сочинение, этот сценарий, наверное, обогнал время, даже и в смысле наличных возможностей тогдашнего — десять лет назад — киноязыка, и не был поставлен. Что ж, спустя пять лет он вспыхнул пьесой «Мельница Пролетарского Счастья», и успех вполне закономерен.

Самые последние годы открыли в нем и мультипликационного сказочника. Секрет прост: сказки любит девятилетняя Машенька, а уж если отцу приходится их сочинять, почему не предложить их всем малолеткам, сидящим у телевизора?

— Главная проблема сегодняшнего искусства? — переспрашивает Виктор Иванович. — Трудно сформулировать одной фразой... Как помочь человеку стать благороднее, добрее, нравственно совершеннее? Показывая привлекательность добра, выводя идеал? Конечно, можно и так, и это будет плодотворно, если подлинно художественно.

А можно искать и раскрывать истоки душевного дискомфорта человека, потерявшего нравственные ориентиры, лишившегося ощущения связи своей с бесконечностью рода людского, жизни, мира. Мы не зря обеспокоены нарушениями трудовой и общественной дисциплины и справедливо возмущаемся равнодушием, но за этими социальными неполадками есть душевная подоплека, которая важнее и которую вскрыть, а тем более врачевать может, на мой взгляд, только искусство.

— Ой, какая птичка! — кричит с его плеча зеленый попугай Ксюша.

Хозяин осторожно снимает птицу и прячет в клетку, чтобы не мешала говорить о важном.

— Человек без веры — сюжет печальный, — говорю я. — Вы же, кроме «Трясины», сценарий которой написан вместе с режиссером Г. Чухраем, никогда не пробовали себя в чистой драме...

— Есть, должно быть, в искусстве закон возмещения, — отвечает он. — Грустное легче доходит, если о нем говорят весело. Смешное разит без промаха, если излагается очень серьезно.

— Ну и птичка! Ну и птичка! — надрывает Ксюша, кусая прутья ограды.

Погрозив ей пальцем, Мережко поворачивается ко мне:

— Да вот возьмите такую историю. Вчера мне рассказали про одного человека, с которым я был знаком несколько лет тому назад...

И снова развертывается живая, еще не заснятый на пленку фильм, и снова я хохочу до упаду и прикидываю в уме, кому из режиссеров больше всего подошел бы этот готовый сюжет.

Виктор ДЕМИН.

● Драматург Виктор Мережко.
Фото А. Сизухина.